

Второй украинский фронт

Странной жизнью живёт украинская провинция. Настороженно-спокойной. Всё, что люди уже давно поняли в бестолковщине и подлости украинской политики, – это то, что их силами держать оборону против предательской и бесчеловечной верховной власти, против антинародного государства.

СТР. 3

А шарик-то лопнул...

Все «сетевые» авторы мечтают стать авторами «бумажными». Но даже если такое происходит, текст всё равно остаётся интернет-неряшливым и художественно беспомощным. Александр Кузьменков «воздаёт должное» очередной дутой фигуре...

СТР. 4

«Виват, Комедия!»

Так называется ставший теперь международным театральным фестиваль, который прошёл под эгидой Санкт-Петербургского театра комедии имени. Н.П. Акимова. Впечатлениями от просмотренных спектаклей делится наш обозреватель. А посмотреть, как выяснилось, было что...

СТР. 8

На Попов луг за чудесами

На Плещеевом озере, что в Ярославской области, отгремел фестиваль «Попов луг – Кухня Русских Чудес». Счастливицам, которые там побывали, повезло: были приготовление еды, стрельба из лука, катание на лошадях, полёты на воздушном шаре. Репортаж –

на СТР. 9

Бюро недобрых услуг

Сериал «Лондонград. Знай наших!» на СТС рекламировался так мощно, как будто его премьера станет главным событием нового телесезона. Но станет ли? СТР. 10

На прошлой неделе наш сайт www.lgz.ru посетили 37 543 человека. Заходите!

9 770233 430004 1 5 0 3 7

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

Газета основана в 1830 году при участии А.С. ПУШКИНА
Издание возобновлено в 1929 году при поддержке М. ГОРЬКОГО

Literaturnaya Gazeta

EUROPE: D – 2,20 €; A – 2,30 €; B – 2,30 €; PL – 12,90 PLZ; L – 2,30 €; CZ – 75,00 CZK; H – 720 HUF; SP – 2,50 €; I – 2,50 €; GR – 2,50 €; CYP – 2,50 €; TR – 5,00 TRY; CH – 3,50 CHF; GB – 1,80 GBP; DK – 20,00 DKK; S – 25,00 SEK; NOR – 25,00 NOK; E – 15 EGP; USA – 2,50 \$; C – 2,5 CAD

Международное издание

СОБИРАТЕЛЬ ПОДВИГОВ

Сергею Сергеевичу Смирнову – 100 лет

Сергей Сергеевич Смирнов до сих пор остаётся в советской литературной истории фигурой во многом тайной. Его биография пронизана скрытыми смыслами. И это несмотря на всю очевидность и успешность его официальной чиновничьей карьеры. Он занимал несколько очень значительных постов. Входил в самую верхушку советской писательской номенклатуры. Почти вся его человеческая история развивалась внутри советской власти, без неё он едва ли представлял себе мировое устройство, и все его идейные и художественные движения вне зависимости от их векторов были «советскоцентричны», не выходили за пределы коммунистической вселенной. Он из того великого поколения поступивших в Литературный институт в 1941 году, которое почти всё осталось на полях сражений, а те, кому удалось вернуться, жили, как говорится, «за того парня», а то и за нескольких. Его причисляли к представителям литературных либералов советского разлива. Этому есть причины. Но не всё тут связывается.

Ведь именно Сергей Сергеевич Смирнов председательствовал на писательском собрании, призванном осудить Пастернака. Можно, конечно, этот факт стыдливо замалчивать. Ведь по постсоветской литературной мифологии место во главе президиума должен был занимать кто-нибудь из лагеря охранителей. А Смирнов к охранителям точно не принадлежал. Можно выдвинуть версию, что у Смирнова не было другого выхода и ему пришлось вести это судилище не по своей воле. Но что так повлияло на него? Страх перед партийным начальством? Не очень верится, что фронтовика можно было запугать и принудить выполнять то, что ему глубоко чуждо. Не стоит ли поразмышлять о том, что поступок Пастернака вызвал солидарное возмущение литераторов вовсе не смутной идеологической составляющей, а тем, что Борис Леонидович необдуманностью своего демарша навлёк властное подозрение на весь писательский цех, только начинавший социальную встраиваться в новую, не сталинскую реальность, где уже не надо было делать различия между теми, кто сидит за письменным столом и на лагерных нарах? И советский писатель-фронтовик Сергей Смирнов вполне мог это возмущение разделять.

Не этот ли праведный гнев заставил его несколько позже подписать письмо, клеймившее Солженицына и Сахарова? Однозначных ответов на эти вопросы нет. И не может быть. Слишком запутанной и сложной выдалась эпоха, в которой жил и творил Сергей Сергеевич Смирнов.

ИТАР-ТАСС

Эпоха, в которую он написал свою знаменитую «Брестскую крепость», выдающийся образец документальной прозы. Он работал над ней, как добровольный крепостной, хранив иные планы и замыслы, посвятив долгие годы сложнейшей задаче – воссоздать исторические события во всей полноте. От стал настоящим зрителем Брестской крепости, хроникёром подвига её героических защитников, хранителем её мужества.

Не все знают, что благодаря его усилиям 9 Мая стало государственным праздником

в 1965 году. Он всегда переживал из-за недолговечности людской памяти. Он отдал все свои силы, чтобы имена неизвестных героев стали известными.

Было время, когда о Сергее Смирнове почти не вспоминали. В роковых 90-х никакие герои не надобились. А тем более те, кто возвращал героев из небытия, давая им новую жизнь в бессмертной славе. Теперь его фигура всё больше выглядит объёмной и цельной. Свою личную крепость он не сдавал до конца. Знал он ли сам, что в ней?

Московские челночницы. Москва, 1998

ИТАР-ТАСС

который не пришёл на выпускной, потому что его в кровь избил пьяный отец – офицер ВВС, который от безденежья и безнадёги («торговать я не умею и не буду») колотил мать и трёх

детей, а потом умер как собака зимой в сугробе».

В одном из ближайших номеров «ЛГ» вернётся к теме и представит авторитетное мнение об этом замысле.

КНИГА НЕДЕЛИ

Эмир Кустурица.
Сто бед: Рассказы / Пер. с французского М. Брусовани, СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2015. – 256 с. – 10 000 экз.

Эмир Кустурица – человек разнообразных и ярких дарований. Актёр, режиссёр, музыкант. И вот теперь он выступил как автор прозы. Сборник рассказов «Сто бед» развивает ту эстетику, что принесла её автору и мировую славу, и народную любовь. Прозаик Кустурица ходит по тонкой грани реализма и абсурда, смешивая реальность с фантазией, естественное с необычным, доброе с циничным. Действие всех рассказов происходит в Социалистической Республике Босния и Герцеговина. Невероятную ностальгию по мирной Югославии автор вкладывает в каждый свой абзац, в каждый поворот сюжета. Главный герой его прозы – это мирное детство, погружённое в капсулу непроницаемого счастья 70–80-х годов, когда мировое равенство позволяло Югославии уютно располагаться в геополитической впадине между двух противоборствующих систем. С большой тонкостью и вкусом Кустурица описывает моменты взросления, первой влюблённости, взаимоотношений с родителями. Основная моральная константа текста в том, что каждый человек изначально слаб, наивен и целомудрен. И только в перспективе жизни он обретает индивидуальные черты, которые всегда можно (было бы желание) стереть, и увидеть за ними ребёнка, верящего в непремennую победу добра.

Каждый рассказ – это словно начатая заново история, вариация развития одних и тех же событий глазами подростка, переживающего пору созревания. Нетрудно догадаться, что многие детали попали в текст из воспоминаний самого автора, прошедшего детство в Сараево. В книге много упоминания о Югославской народной армии как о символе государственного единства. Это неудивительно. Ведь Кустурица, босниец, считающий сербов своими далёкими предками и принявший в 2005 году православие, любит называть себя, как и героический, томящийся ныне в Гааге генерал Ратко Младич, югославом. Автор придаёт своей прозе некоторую медлительную вальяжность, так свойственную жителям Балкан и воспринимаящуюся как склонность к мудрой созерцательности. Иногда кажется, что рассказы – продолжение его знаменитых фильмов, а может быть, и наметки новых сценариев. Особенно щемящим выглядит то, что возраст героя-подростка таков, что его взросление совпадёт с жуткой балканской бойней в Боснии и Герцеговине. Так хочется, чтобы ни он, ни его близкие в ней не пострадали. Любопытно, что впервые книга издана во Франции.

СТИХИ НА ПЕРВУЮ ПОЛОСУ

Николай САНДЖИЕВ

Калмыцкая степь

*Здесь лица у людей обожжены
На солнечных и ветреных просторах.
Здесь вымя новорожденной луны
Целуют нежно синие озёра.*

*Здесь гривы трав все на пробор –
хоть плачь –*

*Причёсаны, как водится, от веку.
Здесь тянет к небу ветви карагач,
Не ведающий сроду дровосека.*

*Здесь пахнет одуряюще полынь,
Здесь мамонтов ровесники – сайгаки –
Летят, пронзая вечную теплынь,
На этот запах стрелами в атаке!*

*Курганы здесь разбужены зарёй,
Пыль времени глотают наудачу.
Здесь над солончаковою корой
Дождями небеса нечасто плачут.*

*Здесь жизнь кипит и снова, и опять!
Душою эту истину приемлю.
И здесь совсем не страшно умирать –
Ведь превратишься ты в родную землю!*

*Здесь у земли и неба – общий край,
Пронизанный насквозь лучами солнца.
И если где-то есть на свете рай,
Калмыцкой степью этот рай зовётся!*

(Поэтическая подборка – на стр. 6)